

Информация для цитирования:

Лобин А. М. Мифологизация образа Марата Кирова в романе А. Тургенева «Спать и верить. Блокадный роман» / А. М. Лобин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 230—248. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-230-248.

Lobin, A. M. (2024). Mythologization of Image of Marat Kirov in Novel “Sleep and Believe. Blockade Novel” by A. Turgenev. *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 230-248. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-230-248. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мифологизация образа Марата Кирова в романе А. Тургенева «Спать и верить. Блокадный роман»

Лобин Александр Михайлович

orcid.org/0000-0002-6885-0963

ScopusAuthorID 57958223700

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка,
литературы и журналистики
amlobin@yandex.ru

Ульяновский государственный
педагогический университет
имени И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия)

Mythologization of Image of Marat Kirov in Novel “Sleep and Believe. Blockade Novel” by A. Turgenev

Alexandr M. Lobin

orcid.org/0000-0002-6885-0963

ScopusAuthorID 57958223700

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
Language, Literature and Journalism
amlobin@yandex.ru

Ulyanovsk State
University of Education
(Ulyanovsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены результаты анализа системы персонажей и сюжетообразующих конфликтов в романе Андрея Тургенева (Вячеслава Курицына) «Спать и верить. Блокадный роман». Было рассмотрено общее состояние военно-исторической прозы рубежа XX—XXI веков. Охарактеризованы основные исторические мифы о блокаде. Проведен обзор точек зрения исследователей на жанр, сюжет и поэтику данного произведения. Установлено, что роман А. Тургенева является частью постмодернистского исторического дискурса, где метафизика «петербургского текста» переплетается с наиболее одиозными мифами о ленинградской блокаде (злоупотребления руководства, произвол НКВД, людоедство и пр.). Анализ текста позволяет утверждать, что центральным мифом и главным героем романа является Марат Киров, вымышленный секретарь Ленинградского обкома. Он воплощает актуальные исторические мифы о блокаде, а также о реальных руководителях Ленинграда — С. М. Кирове и А. А. Жданове. В изображении Кирова автор широко использует приемы контраста и гиперболизации, а также многочисленные отсылки к «петербургскому тексту». В итоге градус гиперболизации и демонизации, нагнетаемый А. Тургеневым, актуализирует травматический опыт всей советской истории, а также позволяет ассоциировать образ фантастического Марата Кирова с Петром Великим.

Ключевые слова:

современная русская литература; военно-историческая проза; историческая мифология, Андрей Тургенев; Вячеслав Курицын.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents the results of an analysis of the character system and plot-forming conflicts in the novel by Andrei Turgenev (Vyacheslav Kuritsyn) "Sleep and Believe. Blockade Novel." The overall state of military-historical prose at the turn of the 20-21 centuries was examined. The main historical myths about the blockade were characterized. An overview of researchers' perspectives on the genre, plot, and poetics of this work was conducted. It was established that A. Turgenev's novel is part of a postmodern historical discourse, where the metaphysics of the "Petersburg text" intertwines with the most odious myths about the Leningrad blockade (abuses of leadership, arbitrariness of People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR, cannibalism, etc.). Analysis of the text allows us to assert that the central myth and main character of the novel is Marat Kirov, a fictional secretary of the Leningrad Regional Committee. He embodies current historical myths about the blockade, as well as about the real leaders of Leningrad — S.M. Kirov and A.A. Zhdanov. In depicting Kirov, the author widely uses contrast and hyperbolization techniques, as well as numerous references to the "Petersburg text." As a result, the degree of hyperbolization and demonization fostered by A. Turgenev actualizes the traumatic experience of the entire Soviet history and allows associating the image of the fantastic Marat Kirov with Peter the Great.

Key words:

contemporary Russian literature; military-historical prose; historical mythology; Andrey Turgenev; Vyacheslav Kuritsyn.

Мифологизация образа Марата Кирова в романе А. Тургенева «Спать и верить. Блокадный роман»

© Лобин А. М., 2024

1. Введение = Introduction

Предлагаемая статья является частью обзорно-аналитического исследования современной российской прозы о Великой Отечественной войне. Ранее были рассмотрены романы «Диверсант» А. Азольского, «Танкист или “Белый тигр”» И. Бояшова, «Штрафбат» Э. Володарского и другие [Лобин, 2020; 2022; 2023]. Роман Андрея Тургенева (Вячеслава Курицына) «Спать и верить. Блокадный роман» (2007) [Тургенев, 2007] также относится к этому ряду произведений и воплощает все тенденции, характерные для военно-исторической прозы 2000-х годов.

Исследователи полагают, что отличительной чертой литературы этого периода стала новая художественная стратегия отражения прошлого. Если в военной прозе 1990-х на первом плане стояла задача реконструкции исторических событий и их переоценки, то в произведениях начала XXI века отмечена преимущественно установка на переосмысление и переживание травматического опыта, который не был полностью освоен в советский период [Кукулин, 2005; Вежлян, 2016; Ковтун, 2020]. Для решения этой задачи авторы обращаются к исторической мифологии, в которой «ищут культурные коды, сюжеты, аналогии для передачи трагического военного опыта прошлого» [Ковтун, 2020, с. 10].

Роман «Спать и верить» посвящен блокаде Ленинграда как одной из самых трагичных страниц Великой Отечественной войны. Наиболее заметной чертой поэтики этого произведения стала провокационная игра со «штампами шпионских романов соцреализма... слухами и легендами о страшном блокадном времени» [Черняк, 2009, с. 77]. Здесь автор активно обыгрывает как традиционные коды «петербургского текста», так и наиболее распространенные военные и блокадные мифы, актуальные для массового сознания современной России.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в изучении образа альтернативно-исторического Марата Кирова, «хозяина Ленингра-

да», сконструированного автором путем компиляции нескольких мифов советской эпохи и элементов «петербургского текста».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Тема Великой Отечественной войны в постсоветской литературе остается устойчиво актуальной, поэтому критики и литературоведы уделяют большое внимание военно-исторической прозе. В обзорной статье В. А. Зубкова «Поворот русла. Проза о Великой Отечественной войне сегодня» подведены итоги развития этого направления в «нулевых» годах нового века [Зубков, 2011], Т. Н. Маркова изучила «Художественные реконструкции Великой Отечественной войны в современной массовой литературе. От “окопной правды” к фантазиям на военные темы» [Маркова, 2019], Л. Н. Скаковская представила обзор «Военная проза начала XXI века: темы, идеи, образы» [Скаковская, 2015], а внимание Н. В. Ковтун привлекла «Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне» [Ковтун, 2020].

В этих работах отмечена эволюция жанровой парадигмы, когда на смену автобиографической и мемуарной прозе пришли постмодернистская историческая мелодрама, роман-фэнтези, военно-фантастический экшн-боевик и т. д. [Маркова, 2019, с. 157]. Данное обстоятельство объясняется закономерной сменой поколений, когда на место писателей-фронтовиков приходит поколение, не знающее «военной реальности, неведомой им ни в силу возраста, ни в силу желания ее понять» [Зубков, 2011, с. 480]. Поэтому вместо невозможной для них реконструкции прошлого на основе исторических документов авторы обращаются к постмодернистскому переосмыслению актуальных мифов и литературных образов. Это создает возможность «для произвольных интерпретаций исторических событий, открывает простор для авторского воображения и художественного экспериментирования», как полагает Т. Н. Маркова [Маркова, 2019, с. 155]. Исследуемый роман рассматривается как один из таких экспериментов.

В плане содержания проза 2000-х годов продолжает традиции последних писателей военного поколения, таких как В. Астафьев, В. Быков, Д. Гранин и др., в произведениях которых акцентируются проблемы цены Победы, отношений власти и народа и т. п. Новое поколения писателей также обратилось к военной тематике, чтобы «понять во всей возможной полноте и природу подвига советского народа, и природу трагедии, выпавшей на его долю» [Скаковская, 2015, с. 112], и «почему наша Великая Победа, завоеванная в 1945 вопреки Системе, оплаченная страшной ценой, не принесла стране обновления... не смогла обеспечить защиту тем, кто вернулся победителем, преодолев ад» [Ковтун, 2020, с. 19].

Кроме стремления понять и переосмыслить события военной истории, литература о Войне решает также задачу психологического переживания травматического опыта, который не был полностью освоен в советский период: «Катастрофический опыт не был интегрирован в общественное сознание, приобрел черты непроработанной коллективной травмы» [Кукулин, 2005]. Другие современные исследователи также рассматривают память о войне как опыт травматический: «Такой опыт тяжек, травматичен, он изменил историю страны и облик нации, ее будущее» [Ковтун, 2020, с. 7]; «Современная... беллетристика бессознательно транслирует страхи и тревоги, порожденные травматическим опытом истории XX века» [Маркова, 2019, с. 158]. Статья Е. И. Вежляна «Прорвать заграждение: блокада Ленинграда как символ и опыт», в свою очередь, полностью посвящена современным произведениям о блокаде Ленинграда (в том числе роману «Спать и верить»), становящимся, по ее мнению, «местом проработки травматического опыта» [Вежлян, 2016].

Роман А. Тургенева (В. Курицына) «Спать и верить. Блокадный роман» (2007) стал неотъемлемой частью этого дискурса. Это произведение было удостоено премии «Национальный бестселлер-2008», отмечено критиками [Топоров, 2007; Новикова, 2007; Зиновьева, 2008; Пимченко, 2015] и литературоведами [Богданова, 2008; Урицкий, 2008; Зубков, 2011; Маркова, 2019]. Исследователи подчеркивают сложное сочетание реальных фактов блокадного быта, взятых из мемуарной литературы, и фантастических элементов, обилие стилистических анахронизмов, а также многочисленные отсылки к другим образцам «петербургского текста». Преобладает мнение, что это произведение скорее постмодернистское: «тотально игровой и отрицательно-экспериментальный роман» [Пимченко, 2007], «постмодернистская историческая мелодрама» [Маркова, 2019, с. 155]. М. А. Черняк полагает, что «обращение к блокадной теме в игровом по сути романе было провокационно изначально. В основе... лежит смесь альтернативной истории и исторических фактов» [Черняк, 2009, с. 75]. Провокационный эффект, создаваемый игровой постмодернистской поэтикой, актуализует память о прошлом. Это, на наш взгляд, еще одна попытка «приблизить к себе историю... вернуть... из состояния застывшего монумента, памятника в сферу актуальных переживаний автора и читателя» [Маркова, 2004, с. 16].

Цель работы — анализ образа Марата Кирова как центрального элемента поэтики и художественной мифологии романа А. Тургенева «Спать и верить. Блокадный роман». Достижение поставленной цели требует решения нескольких задач:

- рассмотреть основные исторические мифы, связанные с блокадой Ленинграда и личностями руководителей Ленинградского обкома: С. М. Кировым и А. А. Ждановым;
- изучить сюжет, систему персонажей и сюжетообразующих конфликтов в романе «Спать и верить»;
- выявить художественные особенности и средства репрезентации образа Марата Кирова.

В ходе работы были рассмотрены наиболее популярные мифы о блокаде, проанализирована система персонажей и сюжетообразующих конфликтов в произведении. Определен генезис образа Кирова, представлены наиболее значимые черты и художественные средства репрезентации концепции этой альтернативно-исторической личности. Указано место «Марата Кирова» в художественной мифологии Петербурга (Ленинграда).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Блокадный миф в массовом сознании XX и XXI веков

Текст романа «Спать и верить» в плане содержания опирается на воспоминания ленинградцев, но это, по мнению исследователей, все же не делает его историческим произведением. Напротив, «в романе простые ленинградцы исчезающими тенями ходят по городу, чекисты подличают и зверствуют, обитатели Смольного жируют, хлещут коньяк стаканами и жрут икру ложками... Если расспросить современных людей, особенно начитанных, о ленинградской блокаде, то они расскажут приблизительно так», — пишет А. Урицкий [Урицкий 2008]. Таким образом, автор предлагает не реконструкцию событий прошлого, а художественную репрезентацию исторических мифов массового сознания, характерных для рубежа XX—XXI веков.

Современные историки продолжают изучать различные аспекты истории блокады Ленинграда, в том числе и те, которые были под запретом в советское время [Соболев, 2013; Кутузов, 2008; Иванов, 2012; Сушков, 2023], но в массовом сознании научное знание мало востребовано, поэтому наиболее эффективной дискуссионной площадкой для общественного исторического сознания являются периодические издания, такие как журнал «Огонек», газеты «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и пр., где основным объектом обсуждения являются именно неофициальные мифы о Войне. Степень их научно-исторической достоверности в данном случае значения не имеет. Историк М. С. Кальней подчеркивал, что в настоящее время можно «признать историческим мифом такую интерпретацию прошлого, которая... не соответствует признанному достоверным историческому знанию» [Кальней, 2021, с. 14]. Применительно к теме

блокады наибольший интерес представляют следующие мифы: «сдали бы город, не было бы жертв»; «в ленинградцах не осталось ничего человеческого (имеются в виду людоедство и мародерство. — А. Л.)»; «городская верхушка обжиралась в царстве голода»; «Ленинград выстоял вопреки воле Сталина» [Никифоров, 2019].

Но центральным, на наш взгляд, является авторский миф — личность Марата Кирова. Критиками «Киров» практически не изучен: «Ленинградом руководит не “верный сталинец” Андрей Жданов, а народный любимец, двухметровый богатырь, соперник Сталина Марат Киров... этот небольшой сдвиг освободил писателю руки, позволив конструировать свой мир» [Урицкий, 2008]; «Лжеименем героя автор подсказывает, что его рассказ о блокаде должен быть воспринят... как произведение художественное» [Богданова, 2008]. В целом, исследователи установили, что замена Андрея Жданова на Марата Кирова меняет жанр произведения с исторического на альтернативно-исторический, но сюжетная и смысловая ценность такой замены не определена.

В основу данной работы положена гипотеза: замена реального Андрея Жданова на мифического Марта Кирова не только меняет жанровый статус произведения, но и закладывает ряд специфических ассоциаций, связанных как с историей Ленинграда, так и с личностями подлинных Кирова и Жданова.

Что же представляет собой «Марат Киров» с точки зрения литературно-исторической мифологии? Улица Марата в Санкт-Петербурге — одна из самых известных, таким образом, это имя в данном контексте выглядит наиболее «ленинградским». Киров — также фамилия знаковая. Сергей Миронович Киров (Костриков, 1886—1934) — один из тех немногих партийных деятелей советского периода, которые остались в коллективной памяти положительными героями. В процессе борьбы с культом личности Киров был представлен подлинным большевиком, альтернативой тирану Сталину. Бытует легенда, что на XVII Съезде ВКПб в 1934 году при голосовании на пост Генерального секретаря Киров получил больше голосов, чем Сталин, но итоги голосования были фальсифицированы, а в организации убийства Кирова также обвиняли Сталина [Млечин, 2014; Титов, 2016; Генкин, 2017].

Эта версия оказалась очень востребованной. Так, в романе «Штрафбат» Э. Володарского штрафники поют частушку: «*Эх огурчики, да помидорчики, // Сталин Кирова убил да в коридорчике*», — а позже обсуждают итоги голосования на XVII Съезде: «*Бюллетени за Кирова были попросту уничтожены или переписаны в пользу усатого батьки*» [Володарский, 2004]. Андрей Александрович Жданов, напротив, стал эталоном сталин-

ского бюрократа и антигероем. Легенда о том, что он обжирался деликатесами и страдал ожирением, также представлена в массовом сознании и литературе [Вольнец, 20213; Митленко, 2018; Сидорчик, 2016].

Следует также отметить, что ни С. М. Киров, ни А. А. Жданов богатырским ростом не отличались, таким образом, «двухметровый богатырь» Марат Киров — результат симбиоза этих исторических деятелей, а обстоятельства их биографий стали значимой частью сюжета и образной системы романа «Спать и верить».

3.2. Сюжет и система персонажей романа «Спать и верить»

В этом произведении описаны события с октября 1941 года, когда кольцо блокады только замкнулось, до декабря того же года, когда была построена «дорога жизни». Таким образом, А. Тургенев описывает постепенный переход от условно нормальной жизни военного времени к состоянию гуманитарной катастрофы (снижение хлебных норм до 125 грамм в сутки для т. н. «иждивенцев», отключение отопления, появление дистрофиков и умерших от голода), что позволило показать изменение настроений населения и становление новой системы отношений.

Сюжет и система персонажей исследуемого романа в основных чертах описаны критиками и литературоведами. Установлено, что в произведении сочетаются два сюжета: хроникальный, в котором описывается собственно блокада, и мистико-авантюрный, в котором таинственный полковник НКВД пишет письма Гитлеру и отправляет их в бутылках по Неве, а также организует покушение на Кирова. В плане оценки действующих лиц общим мнением является деление персонажей на «верхи» и «низы» [Богданова, 2008, Зиновьева, 2008] или, в интерпретации В. Топорова, «на Светлых и Темных» [Топоров, 2007].

К числу «верхов», или «темных», относят Кирова и других обитателей Смольного, а также сотрудников НКВД: «Темные жируют, естественно, в НКВД» [Топоров, 2007]. К «верхам» также можно отнести работников торговли, которые воруют продукты и спекулируют краденным. «Низы», то есть «светлые», «живут в большой коммуналке на улице Марата: англическая машинистка Варя, ее слепнущая и сходящая с ума мать... супружеская пара педагогов... главврач, вдовец с двумя сыновьями... воровка, спекулянтка и мародерка (а в сущности, хорошая женщина) старуха Патрикеевна, мечтающая о том, чтобы город поскорее сдали немцам» [Топоров, 2007], а также большое количество эпизодических героев.

Следует отметить, что в изображении быта рядовых ленинградцев автор опирается на исторические документы и воспоминания выживших, а вот в изображении «верхов» оперирует именно мифами, то есть использует «образные проекции авторских и бытующих в массовом сознании

представлений о ленинградском блокадном прошлом» [Богданова, 2008]. Итак, «низы» являются результатом художественной реконструкции документально известного прошлого, а «верхи» — продуктом мифологизации истории. Таким же продуктом является немногочисленная группа персонажей, которые относятся, безусловно, к «верхам», — это так называемые «москвичи», из которых наиболее значимы «друг Иосиф» Сталин, его приближенные и приезжающие в Ленинград командированные.

К числу «москвичей» принадлежит еще один герой, оказавшийся в центре внимания исследователей. Он является главным действующим лицом авантюрно-мистического сюжета — это уже упомянутый Максим, полковник из Москвы, который занимает промежуточное положение между «верхами» и «низами», а его природа двойственна: «образ Максима... создан автором, с одной стороны, как образ... человека реального, с другой стороны — как образ таинственно-мистический» [Богданова, 2008]. А. Урицкий считает его «его ходячей цитатой из “петербургского текста”» [Урицкий, 2008].

Так, стоя перед памятником Петру Первому, обозначенному в романе как «Медленный всадник», полковник обращается к нему с пьяной речью: *«Сколько душ при стройке положил, сколько?... Молчишь, истукан! Десятки тысяч положил мужичков, угробил во имя города-обезьяны! Вознесся их кровью, окно процарапал, доволен? Ужо! А мы в эту войну миллион тут уроем, два, три! Снилось тебе такое, призрачный царь?»* [Тургенев, 2007, с. 185]. Это «Ужо!» очевидно отсылает нас к поэме Пушкина «Медный всадник», однако поставить в один ряд «бедного безумца Евгения» и полковника Максима очень трудно, хотя бы потому, что второй отнюдь не беден: он получает паяк, которого хватает на четверых, а удостоверение НКВД дает этому герою практически сверхчеловеческие возможности.

В изображении «верхов» и «низов» автор активно использует прием контраста, особенно ярко представленный в теме еды. Так, Варе и ее матери *«нового пайка совсем не хватало, многое не отоваривалось»* [Тургенев, 2007, с. 90], младшему и среднему составу НКВД *«пайки урезали»* [Там же, с. 91], зато *«на третьем этаже (в ведомственной столовой НКВД. — А. Л.), где обедала белая кость..., ничего пока не менялось. Разве что какой-то день не было черной икры»* [Там же, с. 92]. В сумме эти группы героев реализуют хроникальный сюжет, представляют объемную панораму жизни блокадного Ленинграда: «блокадный быт... Страшное и прекрасное: людоедство (утрированное), воровство, но и жертвенность, благородство поступков» [Зиновьева, 2008]. В итоге автор представляет Ленинград как особое место, где *«смерть... на манер полезного ископаемого»* [Тургенев, 2007, с. 189].

По масштабу (но не по глубине проработки) система персонажей романа «Спать и верить» претендует на эпопейный охват моделирования реальности, но эта система весьма неоднородна и неполна. Так, в романе отсутствует персонифицированный образ врага, то есть немцев, и практически не представлены советские военные. Зато есть собирательные образы толпы, народной массы. Описания конфликтов в очередях, случаев похищения хлеба и т. п. иллюстрируют миф о том, что «в ленинградцах не осталось ничего человеческого», хотя примеры героизма и случаи самопожертвования также присутствуют в произведении.

Многочисленные эксцессы, связанные со сценами массовой гибели людей, и акцентирование темы еды во всех аспектах формируют в романе совершенно особый эмоциональный настрой, некую коллективную духовность обреченности, напоминающую поэтику произведений В. Сорокина. Прямой отсылкой к творчеству В. Сорокина выглядит либретто оперы «Вечный лед», придуманной А. Тургеневым, образы ленинградских чекистов живо напоминают образы «опричников», к сорокинской поэтике и системе образов можно отнести и назойливо повторяющийся мотив секса, явно чуждый, на первый взгляд, и мифологии Блокады, и «петербургскому тексту» в целом. Так, в тексте хорошо заметна романтическая линия эротических воспоминаний Вареньки, переживающей в памяти школьный роман с ее соседом Арвилем: *«Ну чего же ждали они с Арькой, почему не поторопились?»* [Тургенев, 2007, с. 197]. Кроме того, по версии автора, при Смольном существует целый гарем из «комсомолок», услугами которых пользуется и Киров, и другие высокопоставленные товарищи.

Описание сексуальных сцен не занимает места, равного теме еды и смерти, но тема секса тоже очень заметна, и в конечном итоге эротика органично вплетается в художественную ткань повествования, образуя триединство «секс — насилие — еда», представленные в гиперболизированном и контрастном противопоставлении, работающем на всех уровнях текста. Закономерно, что центральный герой романа изображен в том же ключе: «В условиях уже заявленной игры с читателем образ Кирова-секретаря воспринимается образом не просто “советского человека”, но советского человека “от концептуалистов” Э. Булатова или В. Сорокина», — полагает О. Богданова [Богданова, 2008].

3.3. Образ Марата Кирова в романе «Спать и верить» и средства его репрезентации

Что же представляет собой «образ советского секретаря от концептуалистов» по версии А. Тургенева? Прежде всего, это активно действующий герой, волевой центр обороны блокадного Ленинграда. В описываемый период Марат Киров пытается организовать прорыв блокады, конфликту-

ет с Москвой, пытается обеспечить выживание жителей, и в то же время с большим размахом наслаждается жизнью: обедается, пьет коньяк, пользуется любовницей, катается на лыжах и т. п.

В романе он представлен как *«хозяин Ленинграда... Под два метра, широкоплечий и широкоскулый, всегда чисто выбритый, с волевым открытым лицом, он одним своим видом поднимал митинги и опускал оппонентов»* [Тургенев, 2007, с. 9]. И здесь, и далее в тексте все, что связано непосредственно с Кировым, поражает сочетанием гигантизма и первобытной звериной мощи: *«Могучий секретарь обкома сидел за огромным — чуть меньше Марсова поля — столом... Все здесь было огромным... Под ногами распласталась шкура им же конченого медведя, оболочка от медвежонка валялась у кресла в углу... Но живой медведь в кабинете был один: Марат Киров»* [Там же]. В этом фрагменте автор просто навязывает читателю ассоциацию: Киров — гигантский медведь.

Эта гиперболизация становится главной доминантой его образа и ярче всего проявляется в теме еды, ср. описание того, как Киров компенсирует неудачу прорыва блокады: *«Забросать зияющую пропасть котлетами, засыпать туманные рвы салатами... Ел, как убивал, как палач казнит, кровавые брызги летели. Урчал, рыгал, перемалывал мощными челюстями мозговые кости»* [Тургенев, 2007, с. 149]. Кроме того, секретарь обкома ездит на пяти «пакардах» и вызывает себе на ночь сразу двух «комсомолок». Ленинградом он правит решительно и единолично, все его ближайшие помощники безличны и безымянны, автор называет их «теньями»: *«тени порученцев, стусовавшихся за трибуной»* [Там же, с. 158], *«тени соратников»* [Там же, с. 286], — и даже его жена ни разу не названа по имени. Подобная пустота и обезличенность вокруг Кирова подчеркивают масштаб его личности. Следует отметить еще одно принципиальное обстоятельство: в романе Киров не выглядит добряком и гуманистом, но в целом автор дистанцирует Кирова от бессмысленных зверств, творимых сотрудниками НКВД. Однако и святым его не считают, поэтому в городе о нем циркулируют и негативные слухи: *«шептались, что у Кирова карточка большая, красного цвета и равна десяти рабочим... что у Кирова есть "наложницы", которых кормят конфетами доотвалу»* [Там же, с. 50]; *«будто у Кирова есть теннисный корт для дрыгоножества от ожирения!»* [Там же, с. 214].

Анализ этого образа целесообразно, на наш взгляд, начать с оценки его альтернативно-исторической составляющей. В параграфе третьем данного исследования были описаны два исторических мифа — собственно «кировский» и «ждановский». Оба они представлены в тексте и реализованы автором через взаимосвязанные линии повествования. Так, история с вы-

борами Генерального секретаря представлена ретроспективно как воспоминание Марата Кирова и размышление за едой: *«Ему хорошо думалось за едой.... В 36-м на съезде (в реальной истории XVII съезд состоялся в 1934 году. — А. Л.) за Кирова больше голосов выкатили, чем за Иосифа... не рискнул тогда Киров... Решил, что потянет муж сделать в Питере равный центр силы. Наивная, конечно, идея. Язык не очень, суховат, а форель — в десятку... Надо было взять тогда власть, Иосифа — в асфальт, а потом и столицу спокойно на место перенести»* [Там же, с. 41—42]. Далее описывается развитие отношений Москвы и Ленинграда — *«в большую кровь 37-го... Москва... в Ленинград не лезла... но в белокаменной-то при этом его сторонников покромсали... Первенство ускользнуло, как зверь с мушки»* [Там же, с. 43], — а также характеризуются причины Зимней войны с Финляндией и актуальное положение дел. Заявленный конфликт Москвы и Ленинграда при этом носит не только политический, но и эстетический характер. Так, в глазах Кирова *«Питер соразмерный»*, Москва *«цыганская»*, а Кремль и того хуже — *«балаганный»* [Там же, с. 42]. Далее Москва оценивается как *«большой голосистый аул»* [Там же, с. 119], созданный под Сталина, который изображается как некий восточный сатрап.

В итоге сложилось устойчивое противостояние: *«Ленинград — хоть и вторая, но столица... И Сталину это не нравилось... Теперь так легко было потопить Ленинград вместе с его бесшабашным лидером: достаточно просто не поверить, что город, взятый в два железных кольца, можно спасти»* [Там же, с. 16]. Поэтому *«Киров воспринимал сейчас Москву как противника номер два, сразу после фашистов»* [Там же, с. 93]. Далее конфликт Москвы и Ленинграда как борьба Кирова и Сталина становится одним из ведущих сюжетных мотивов.

Здесь переплетаются «кировский» исторический и «ждановский» гастрономический мифы, которые были переведены в геополитическую плоскость противостояния двух столиц, причем гастрономический миф в данном аспекте представляется не менее значимым, чем политический. Так, в романе реализуются мифы: *«Ленинград выстоял вопреки воле Сталина»* и *«Городская верхушка обжиралась в царстве голода»*.

«Кировская» сюжетная линия начинается с полета Кирова в Москву, где он добился отмены эвакуации промышленности и сдачи Ленинграда, но *«армий больше не дали... и сокращения поставок Москве не разрешили»* [Там же, с. 44]. В итоге наступление провалилось: *«Не хватало одной дивизии на таком-то участке, одного усилия на другом, получаса на третьем... Положил без толку сотню тысяч бойцов, свою судьбу на волосок подвесил»* [Там же, с. 106—107]. Эта неудача серьезно ухудшила положение и Ленинграда, и его главы. В итоге Киров сначала *«ударился*

в обжорство... А то, что... тысячи земляков умирали от голода, придавало жратве пикантную мифологичность, остроту ритуального танца на самом краешке света, земного диска, человеческого бытия» [Там же, с. 149]. Но затем он взял себя в руки и организовал оборону и жизнедеятельность города: именно по его инициативе было начато производство печек-буржук и проложена Дорога Жизни через замерзшее Ладожское озеро.

Москва, в свою очередь, увеличила план выпуска военной продукции, который был *«возмутительно невыполнимым, наглым... нужно было переломить пополам каждого из голодных людей»* [Там же, с. 129], и потребовала реализации так называемого «плана Д»: было предписано подготовить к подрыву три тысячи объектов в Ленинграде. Сталин регулярно звонил «Маратику», напоминая и о «плане Д», и о плане по выпуску продукции. *«На Путиловском заводе голодные обмороки, Иосиф, — сказал Киров... — Ты людей к станкам привязывай, Марат! Веревками»* [Там же, с. 125]. В конечном итоге Москва-Кремль-Сталин становятся враждебной силой, источником угрозы не только для Кирова, но и для Ленинграда в целом, а Киров, в свою очередь, является едва ли не единственным его защитником, символом сопротивления, ему безоговорочно верят не только его сподвижники, но и большинство горожан.

Следует отметить, что все представители «темных верхов», хотя и становились *«жирнее день ото дня»* [Там же, с. 286], вполне полагались на Кирова и верили в Победу. В городе ходили слухи, что у начальства есть план: *«Когда немцы войдут, все начальники улетят, а Киров нажмет на рычаг, и Ленинград взорвется вместе с нами и немцами»* [Там же, с. 318], — однако ни Киров, ни его помощники такого не планировали. Несмотря на многочисленные злоупотребления и традиционное взяточничество, трусами и предателями советские партийные деятели в романе не показаны.

При этом сам Киров не является героем неизменным. Он остро переживает происходящее и постепенно эволюционирует от бодрого оптимизма к пониманию, что *«блокада пришла надолго»* [Там же, с. 117]. После начала неудачного прорыва он понял, что *«его просто ловко съели... развели на самолюбии, как пионера»* [Там же, с. 93]. Неудача не сломила «хозяина Ленинграда», но поселила в сердце страх: *«чувствовал, что на него началась охота... Пристрелить в коридорчике. Взорвать авто»* [Там же, с. 134], *«ощущение скорой пули не проходило уже ни на миг, не оставляло ни за работой, ни за едой»* [Там же, с. 273]. По мере нагнетания конфликта с Москвой его посещают самые странные идеи: *«Сдать, что ли, Ленинград, с усмешкой подумал Киров. Договориться с фашистами, а самому остаться... бургомистром... Вот Иосиф позеленеет! Окочурится,*

может, от злости» [Там же, с. 341]. Финал этого противостояния неизвестен: последний раз Киров появляется в главе 258, где он сомневается, стоит ли ему лететь в Москву на очередной доклад.

Символом этой психологической эволюции стала «чучела», постоянно появляющаяся в мыслях Кирова. Толчком к этой идее послужила шутка Сталина, осматривавшего коллекцию чучел в кировской квартире: *«А если бы ты, Маратик, покончил с собой шампуром в глаз... то партия имела бы в активе чучелу Цыклопа»* [Там же, с. 12]. Далее эта мысль постоянно возвращается к Кирову, он сам начинает видеть себя в этой роли: *«Чучелу захотела партия! Еще повоюем!»* [Там же, с. 150], *«Сталин... решил заполучить из Кирова главную чучелу»* [Там же, с. 273], *«Кирову снилась его чучела, большая... И во лбу дыра: дескать, первоисточник чучелы застрелился»* [Там же, с. 293], — этот навязчивый мотив звучит на всем протяжении романа, иногда он представляет в виде «чучелы» и самого Сталина: *«Чучела его летит в Москву... А в Кремле его ждет другая чучела»* [Там же, с. 16], а та, чучела, что снится ему, *«похожа на Иосифа больше, чем на Кирова»* [Там же, с. 293].

Таким образом, Марат Киров оказывается в центре всех сюжетообразующих конфликтов романа: он возглавляет борьбу против немцев; противостоит тирану Сталину; личный конфликт Сталина и Кирова реализует политическое и культурное противостояние двух столиц; Киров возглавляет привилегированный партаппарат, поэтому включен в борьбу «верхов» и «низов». А в высшем мифологическом плане сверхчеловеческая витальность Кирова, особенно заметная в гастрономической и половой сфере, его практическая работа на посту «хозяина Ленинграда» делают его борцом с самой Смертью, что особенно заметно на фоне умирающего города, «построенного на костях».

4. Заключение = Conclusions

Многоуровневый и противоречивый образ Марата Кирова, состоящий из крайностей, контрастов и гипербола, в концептуальном плане сконструирован из нескольких разнородных мифов. В его основе, уже на уровне имени, лежит антисталинский миф о «настоящем большевике», поэтому Марат Киров в романе «Спать и верить» становится противником Сталина и защитником Ленинграда и от немцев, и от происков Москвы; далее реализован не столь очевидный «ждановский» миф, в рамках которого романый Киров становится типичным советским партаппаратчиком, обжираться и развлекающимся, когда рядом тысячи людей умирают от голода.

Художественные средства концептуалистской поэтики (гиперболы, метафоры, контрасты, цитаты и пр.) также выводят образ «хозяина Ленин-

града» Марата Кирова на более высокий мифологический уровень в рамках «петербургского текста». Так, символическая «чучела» косвенно ассоциируется с «восковой персоной», а описание развлечения Кирова и образ его жизни напоминают некоторые увеселения «Всешутейшего собора».

Благодаря активной гиперболизации и метафоризации этого героя происходит переход количества в качество, в результате которого из двух партийных деятелей получается образ сверхчеловека и демиурга. И в этом качестве Марат Киров уже прекрасно вписывается в «петербургский текст». Двухметровый чрезвычайно деятельный богатырь, сложенный из крайностей и контрастов, уже начинает как-то ассоциироваться с основателем города, самим Петром Великим. В тексте романа нет прямых и устойчивых намеков на такое сопоставление, на него намекает только заявленный масштаб личности и предложенная автором миссия по спасению города.

Но прямая аналогия здесь и не нужна. Важно, что в причудливой постмодернистской картине блокады этот Киров, сотканный автором из смеси реальных исторических фактов, сплетен и слухов военного времени, скрытых и явных цитат, становится одновременно и символом Ленинграда, и персонификацией власти. Его образ также стоит в центре сюжета хроникального, при этом, как ни парадоксально это звучит, но именно вымышленный альтернативно-исторический Марат Киров выглядит наиболее живым и реалистичным представителем «темных верхов», который очень выигрышно смотрится на фоне картонных и карикатурных образов «друга Иосифа» Сталина и сотрудников НКВД.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Генкин Д. Кто убил Сергея Кирова : три главные версии [Электронный ресурс] / Д. Генкин // Комсомольская правда 1 декабря 2017. — Режим доступа : <https://www.kp.ru/daily/26611.4/3192862/> (дата обращения 18.11.2023).
2. Митленко С. Блокада. Как питался Жданов в блокадном Ленинграде [Электронный ресурс] / С. Митленко // МИРТЕСЕН. 17.03.2018. — Режим доступа : <https://zhiznteatr.mirtesen.ru/blog/43401025168/Blokada.-Kak-pitalsya-ZHdanov-v-blokadnom-Leningrade> (дата обращения 18.11.2023).
3. Млечин Л. Похороненное убийство [Электронный ресурс] / Л. Млечин // Огонек. 01.12.2014. — Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/doc/2619424> (дата обращения 18.11.2023).
4. Никифоров Ю. Шесть мифов о блокаде Ленинграда [Электронный ресурс] / Ю. Никифоров // Комсомольская правда. 27 января 2019. — Режим доступа : <https://www.kp.ru/daily/26934.7/3984685/> (дата обращения 18.11.2023).

5. Сидорчик А. Андрей Жданов не пировал в блокаду, но не выносил Ахматову [Электронный ресурс] / А. Сидорчик // Аргументы и факты. 26.02.2016. — Режим доступа : https://aif.ru/society/history/a_ya_plebey_andrey_zhdanov_ne_piroval_v_blokadu_no_ne_vynosil_ahmatovu (дата обращения 18.11.2023).
6. Титов Д. Сталин Кирова не убивал в коридорчике [Электронный ресурс] / Д. Титов // История.РФ. Главный исторический портал страны. 2016. — Режим доступа : <https://histrf.ru/read/articles/stalin-kirova-nie-ubival-v-koridorchikie> (дата обращения 18.11.2023).
7. Тургенев А. Спать и верить. Блокадный роман / А. Тургенев. — Москва : Эксмо, 2007. — 384 с. — ISBN 978-5-699-23557-5.

Литература

1. Богданова О. «Спать и верить» Андрея Тургенева, или «Блокадный роман» Вячеслава Курицына [Электронный ресурс] / О. Богданова // Звезда. — 2008. — № 8. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/zvezda/2008/8/spat-i-verit-andreya-turgeneva-ili-blokadnyj-roman-vyacheslava-kuriczyna.html> (дата обращения 01.12.2023).
2. Вежлян Е. Прорвать заграждение : блокада Ленинграда как символ и опыт [Электронный ресурс] / Е. Воробьева // НЛО. — 2016. — № 1. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/1/prorvat-zagrazhdenie-blokada-leningrada-kak-simvol-i-opyt.html> (дата обращения 01.12.2023).
3. Волынец А. Н. Жданов. Биография / А. Н. Волынец. — Москва : Молодая гвардия, 2013. — 618 с. — ISBN 978-5-235-03633-8.
4. Зиновьева Е. Публикации Елены Зиновьевой [Электронный ресурс] / Е. Зиновьева // Нева. — 2008. — № 5. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/neva/2008/5/publikacziya-eleny-zinovevoj-4.html> (дата обращения 01.12.2023).
5. Зубков В. А. Поворот русла. Проза о Великой Отечественной войне сегодня / В. А. Зубков // Вопросы литературы. — 2011. — № 6. — С. 473—486.
6. Иванов В. А. Блокада, о которой не было принято рассказывать всем / В. А. Иванов // Клио. — 2012. — № 3 (63). — С. 91—92.
7. Кальней М. С. Исторический миф и историческое познание : проблемы и противоречия / М. С. Кальней // Вестник РМАТ. — 2021. — № 3. — С. 10—14.
8. Ковтун Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне / Н. В. Ковтун // Культура и текст. — 2020. — № 4 (33). — С. 6—24.
9. Кукулин И. В. Регулирование боли [Электронный ресурс] / И. В. Кукулин // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/regulirovanie-boli.html> (дата обращения 01.12.2023).
10. Кутузов А. В. Блокада Ленинграда в информационной войне : монография / А. В. Кутузов. — Санкт-Петербург : ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2008. — 211 с. — ISBN 978-5-89172-136-4.
11. Лобин А. М. Военно-исторический роман о Великой Отечественной войне в современной русской литературе / А. М. Лобин // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2020. — № 3. — С. 8—17.
12. Лобин А. М. Система персонажей и эволюция главного героя в романе А. Азольского «Диверсант» / А. М. Лобин // Поволжский педагогический поиск. — 2022. — № 3. — С. 51—62.
13. Лобин А. М. Мифология Великой Отечественной войны в романе И. Бояшова «Танкист или “Белый тигр”» / А. М. Лобин // Филологический класс. — 2023. — Т. 28. — № 1. — С. 120—132. — DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-11.

14. Маркова Д. А. Постмодернистский исторический дискурс русской литературы рубежа XX — XXI веков и его истоки : 10.01.01 : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Д. А. Маркова. — Москва, 2004. — 24 с.
15. Маркова Т. Н. Художественные реконструкции Великой Отечественной войны в современной массовой литературе / Т. Н. Маркова // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 152—160. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-152-160.
16. Новикова Л. Есть, что дают [Электронный ресурс] / Л. Новикова // Коммерсантъ. — 01.10.2007. — Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/doc/809914> (дата обращения 01.12.2023).
17. Пимченко М. Андрей Тургенев. Спать и верить [Электронный ресурс] / М. Пимченко // Звезда. — 2015. — № 12. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/zvezda/2015/12/andrey-turgenev-spat-i-verit.html> (дата обращения 01.12.2023).
18. Скаковская Л. Н. Военная проза начала XXI века : темы, идеи, образы / Л. Н. Скаковская // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2015. — № 1. — С. 107—113.
19. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде / Г. Л. Соболев. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013. — Книга 1. — 694 с. — ISBN 978-5-288-05497-6.
20. Сушков А. В. Блокада не для всех : продукты, деньги и текстиль из осажденного Ленинграда / А. В. Сушков // Вопросы истории. — 2023. — № 2—2. — С. 46—63.
21. Топоров В. Без скидок и зубоскальства [Электронный ресурс] / В. Топоров // Взгляд. 22 сентября 2007 г. — Режим доступа : <https://vz.ru/columns/2007/9/22/110975.html> (дата обращения 01.12.2023).
22. Урицкий А. Такая странная (страшная?) игра [Электронный ресурс] / А. Урицкий // НЛО. — 2008. — № 3. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/takaya-strannaya-strashnaya-igra-8230.html> (дата обращения 01.12.2023).
23. Черняк М. А. «BACK IN TO THE USSR», или репрезентация прошлого в отечественной беллетристике начала XXI века / М. А. Черняк // Вестник Герценовского университета. — 2009. — № 10. — С. 73—80.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024,
одобрена после рецензирования 04.05.2024,
подготовлена к публикации 15.05.2024.

Material resources

- Genkin, D. (2017). Who killed Sergei Kirov: three main versions. *Komsomolskaya Pravda December 1*. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26611.4/3192862> / (accessed 11.18.2023). (In Russ.).
- Mitlenko, S. (2018). Blockade. How Zhdanov ate in besieged Leningrad. *MIRTESEN. 03.17*. Available at: <https://zhiznteatr.mirtesen.ru/blog/43401025168/Blokada.-Kak-pital-sya-ZHdanov-v-blokadnom-Leningrade> (accessed 11.18.2023). (In Russ.).
- Mlechin, L. (2014). The buried murder. *Ogonek. 01.12*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2619424> (accessed 11.18.2023). (In Russ.).
- Nikiforov, Yu. (2019). Six myths about the siege of Leningrad. *Komsomolskaya Pravda. January 27*. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26934.7/3984685> / (accessed 11.18.2023). (In Russ.).
- Sidorchik, A. (2016). Andrey Zhdanov did not feast during the blockade, but did not tolerate Akhmatova. *Arguments and facts. 02.26*. Available at: <https://aif.ru/society/>

history/a_ya_plebey_andrey_zhdanov_ne_piroval_v_blokadu_no_ne_vynosil_ahmatovu (accessed 11.18.2023). (In Russ.).

Titov, D. (2016). Stalin did not kill Kirov in the corridor. *History.RF. The main historical portal of the country*. Available at: <https://histrf.ru/read/articles/stalin-kirova-nie-ubival-v-koridorchikie> (accessed 11.18.2023). (In Russ.).

Turgenev, A. (2007). *Sleep and believe. The blockade novel*. Moscow: Eksmo. 384 p. ISBN 978-5-699-23557-5. (In Russ.).

References

Bogdanova, O. (2008). “Sleep and believe” by Andrey Turgenev, or “The Blockade novel” by Vyacheslav Kuritsin. In: *Zvezda*, 8: Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2008/8/spat-i-verit-andreya-turgeneva-ili-blokadnyj-roman-vyacheslava-kuriczyna.html> (accessed 12.01.2023). (In Russ.).

Chernyak, M. A. (2009). “BACK IN TO THE USSR”, or the representation of the past in Russian fiction of the beginning of the XXI century. *Bulletin of the Herzen University*, 10: 73—80. (In Russ.).

Ivanov, V. A. (2012). The blockade, which it was not customary to tell everyone about. *Clio*, 3 (63): 91—92. (In Russ.).

Kalney, M. S. (2021). Historical myth and historical cognition: problems and contradictions. *Bulletin of the RMA*, 3: 10—14. (In Russ.).

Kovtun, N. V. (2020). The theme of memory in modern prose about the Great Patriotic War. *Culture and text*, 4 (33): 6—24. (In Russ.).

Kukulin, I. V. (2005). Regulation of pain. *Inviolable reserve*, 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/regulirovanie-boli.html> (accessed 12.01.2023). (In Russ.).

Kutuzov, A. V. (2008). *The siege of Leningrad in the information war: a monograph*. St. Petersburg: GOU VPO RPA of the Ministry of Justice of Russia. 211 p. ISBN 978-5-89172-136-4. (In Russ.).

Lobin, A. M. (2020). Military historical novel about the Great Patriotic War in modern Russian literature. *Philological sciences. Scientific reports of the higher school*, 3: 8—17. (In Russ.).

Lobin, A. M. (2023). Mythology of the Great Patriotic War in I. Boyashov’s novel “The Tankman or the White Tige”. *Philological Class*, 28 (1): 120—132. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-11. (In Russ.).

Lobin, A. M. (2022). The character system and the evolution of the main character in A. Azolsky’s novel “The Saboteur”. *Volga pedagogical search*, 3: 51—62. (In Russ.).

Markova, D. A. (2004). *Postmodern historical discourse of Russian literature at the turn of the XX — XXI centuries and its origins*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Markova, T. N. (2019). Artistic Reconstruction of the Great Patriotic War in Modern Mass Literature. *Nauchnyi dialog*, 12: 152—160. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-152-160. (In Russ.).

Novikova, L. (2007). There is what they give. *Kommersant*. 01.10. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/809914> (accessed 12/01/2023). (In Russ.).

Pimchenko, M. (2015). Andrey Turgenev. Sleep and believe. *Zvezda*, 12. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2015/12/andrej-turgenev-spat-i-verit.html> (accessed 12/01/2023). (In Russ.).

Skakovskaya, L. N. (2015). Military prose of the beginning of the XXI century: themes, ideas, images. *Bulletin of TvSU. The series “Philology”*, 1: 107—113. (In Russ.).

- Sobolev, G. L. (2013). *Leningrad in the struggle for survival in the blockade. Monograph, 1*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 694 p. ISBN 978-5-288-05497-6. (In Russ.).
- Sushkov, A. V. (2023). The blockade is not for everyone: products, money and textiles from besieged Leningrad. *Questions of history, 2—2*: 46—63. (In Russ.).
- Toporov, V. (2007). Without discounts and ridicule. *Vzglyad. September 22*. Available at: <https://vz.ru/columns/2007/9/22/110975.html> (accessed 01.12.2023). (In Russ.).
- Uritsky, A. (2008). Is she so strange (scary?) the game. *UFO, 3*. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/takaya-strannaya-strashnaya-igra-8230.html> (accessed 12.01.2023). (In Russ.).
- Vezhlian, E. (2016). To break through the barrier: the siege of Leningrad as a symbol and experience. *UFO, 1*. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/1/prorvat-zagrazhdenie-blokada-leningrada-kak-simvol-i-opyt.html> (accessed 01.12.2023). (In Russ.).
- Volynets, A. N. (2013). *Zhdanov. Biography*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 618 p. ISBN 978-5-235-03633-8. (In Russ.).
- Zinovieva, E. (2008). Publications by Elena Zinovieva. *Neva, 5*. Available at: <https://magazines.gorky.media/neva/2008/5/publikacziya-eleny-zinovevoj-4.html> (accessed 01.12.2023). (In Russ.).
- Zubkov, V. A. (2011). Turn of the riverbed. Prose about the Great Patriotic War today. *Voprosy Literatry, 6*: 473—486. (In Russ.).

*The article was submitted 14.02.2024;
approved after reviewing 04.05.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*